

РЕЦЕНЗІЇ

Александр Юдин (Киев)

В ЗАЩИТУ ПОППЕРА, ИЛИ КРИТИКА «ПО-МАРКСИСТСКИ»

(Бузгалин А.В. *Анти-Поппер: Социальное освобождение и его друзья*. - М.: Едиториал УРСС, 2003, 152 с.)

В последние годы на глаза все чаще попадают публикации (статьи и отдельные издания), выступающие, если можно так выразиться, «под знаменами марксизма». Видеть ли в этом откат, попытку реванша или ренессанс, переосмысление, а, возможно, просто нормальное продолжение научной деятельности ученых, чье мировоззрение сформировалось в ушедшую эпоху, - судить не берусь. Среди свежих марксистских публикаций книга А.В. Бузгалина, посвященная критике второго тома труда Карла Поппера «Открытое общество и его враги» привлекла мое внимание именно потому, что, во-первых, в минувшую эпоху Попперу досталось от советских и зарубежных марксистов за клеветничество, поверхностность, невежество и т. п., тогда как его труд заслуживал более уважительного разбора, во-вторых, поскольку концепция историцизма несколько устарела и нуждается в модификации (о чем мне уже приходилось писать¹), а в-третьих, книга показалась мне несправедливой и обидной для автора «Открытого общества», если бы тот мог ее прочитать. Я бы даже сказал, что она написана в недопустимом тоне. Это тем более обидно, что Карл Поппер был в высшей степени корректным и уважительным по отношению к своим оппонентам полемистом. Скажу больше, некогда прочитав «Открытое общество», я нашел для себя в Поппере образец интеллектуальной честности в этом и других отношениях, что и побудило взяться за рецензию.

Как я сказал, меня глубоко огорчили прежде всего тон и методы критики, используемые Бузгалиным против своего оппонента, поэтому речь пойдет не столько о конкретных тезисах и дискуссии по их поводу, сколько о приемах и установках критика Поппера. Я бы выделил следующие:

1) систематические обвинения Поппера в непонимании всей глубины, сложности, многогранности, открытости, диалектичности и проч. марксизма. Бузгалин чаще говорит о том, что есть у Маркса, но о чем не говорит (то ли по своему неразумию, то ли по лукавому умыслу) Поп-

пер, чем о тех марксовых положениях, которые Поппер избирает для анализа. В пределе этот аргумент можно свести к следующему: Маркс написал вон сколько, а критика Поппера уместается в один том. Тогда главным критерием добротности критики будет превышение по объему текста подвергаемого критике. Будем оппонировать друг другу сразу собраниями сочинений. Кто кого перепишет? Правда, читать уже будет некогда. Кстати сказать, сам Бузгалин решительно проигрывает по этому параметру с его ста сорока страницами против четырехсот страниц второго тома «Открытого общества», посвященных Марксу.

Можно также, возразить, что если Поппер не понял всей глубины и сложности диалектики Маркса, то Бузгалин в свою очередь совершенно прошел мимо сущности концепции историцизма Поппера, суть которой, как и Кантовой критики спекулятивной метафизики, - в радикальном недоверии ко всякой, будь то диалектической или недиалектической, спекулятивной футурологии, претендующей на единственно верное понимание законов истории. Поппер берет у Маркса для анализа то, что можно сверить с эмпирическим историческим опытом. В этом смысле, поверяя фактами теорию (пусть с его интерпретаций фактов и можно спорить), он не меньше марксист, чем те, кто одержим историцистским стремлением дедуцировать будущее человечества из теории. И пусть будет хуже для фактов.

Бузгалин постоянно упрекает Поппера в том, что тот поверхностно знает и плохо понимает марксизм. Например: «Приписывать же марксизму идею простейших линейных трансформаций [...] может только автор, который незнаком со всем богатством работ самого Маркса и последующих марксистов по теории общественно-экономической формации» (с. 75; к последнему упреку я еще вернусь). И тут же, через абзац, он снисходительно замечает: «Удивительно, насколько Поппер, неплохо знающий марксизм и современное ему общество, не удосуживается [...]» Нет ли противоречия в том, чтобы приписывать Попперу то незнание, то «неплохое знание» марксизма смотря по тому, что нужно осудить? Мягко говоря, такой метод критики не вызывает доверия.

Обвиняя Поппера в непонимании марксистской диалектики, Бузгалин легко обосновывает с помощью этого диалектического метода (о диалектике чуть ниже) все, что ему нужно обосновать, не замечая сугубо спекулятивного характера своих доводов. Пытаясь парировать тезис Поппера об ошибке исторических прогнозов Маркса, он выстраивает цепочку аргументов: «Поппер критикует Маркса, противопоставляя социал-демократическую эволюцию, якобы не предсказанную марксизмом, победе социализма в результате революции и изменения строя как модели, предложенной Марксом» (с. 70-71). На самом деле, утверждает Бузгалин, «марксисты XIX в. в качестве первых шагов в своих действи-

ях [...] предлагали не что иное, как реализацию компромиссной, реформистской» модели «улучшения» капиталистического общества. (Здесь бы можно поспорить.) «Другое дело, почему кризис капитализма [...] привел к рождению мутантного социализма на одном полюсе, и социал-демократических моделей - на другом, а не к победе «чистого» социализма в той форме, как она виделась марксистам XIX в.?» (с. 72) (Попутное замечание: неясно, что же «предлагали» и что «видели» марксисты XIX в.? Получается, что они не «видели» социально-демократическую эволюцию, которую сами же предлагали «в качестве первых шагов»). Дело в их близорукости, или невнимательности автора?) «Это действительно важный вопрос, но в таком виде Поппер проблему не ставит». Посмотрим, как ставит проблему современный марксист: «Ответ на вопрос о причинах именно таких конкретно-исторических форм в принципе верно предсказанного процесса связан с пониманием нелинейного хода истории. Это диалектика обратимости, понимание того, что необходимость реализуется в истории исключительно как результат различных случайных процессов при наличии активной, действующей роли социального субъекта [...]» (с. 73) Диалектическая магия хороша на уровне абстрактных рассуждений. Как же эта магическая формула объясняет конкретные исторические факты? Немного дальше и несколько по другому поводу (говоря об игнорировании Поппером раскола на марксистов-сталинистов и творческий марксизм) Бузгалин замечает: «Это диалектика победы мутантного социализма и формирования (на основе объективных процессов!) соответствующей версии марксизма, примитивизирующей и извращающей его основные положения» (с. 77). Опять диалектика «ответственна» за победу мутантного социализма, состоявшуюся, видимо, тоже «на основе объективных процессов». Дальше этих ссылок на диалектику и объективные процессы Бузгалин не идет, то ли не желая, то ли не считая нужным анализировать, что тут было случайными факторами и кто был активным субъектом как в победе мутантного социализма, так и в социально-демократической эволюции Запада.

Критикуя Поппера за то, чего в его книге нет, Бузгалин отказывает оппоненту в праве методологического ограничения, выбора того, что *он считает существенным*, уже не говоря о праве ограничиться только работами Маркса и не заниматься всеми теми, кто называли и называют себя марксистами и до сих пор не могут между собой разобраться, кто имеет на это больше прав. Однако свой прием критики путем ссылки на незнание Поппером в полном объеме Маркса и трудов других марксистов вместе содержательно-логического разбора аргументов Бузгалин доводит до нелепости, когда ставит на вид своему оппоненту незнание работ, созданных после написания «Открытого общества» (1944). Я не

преувеличиваю: «Это диалектика обратимости [уже цитировавшийся фрагмент, но с продолжением] [...] прекрасно показана Лукачем в его книге “Антология [так в тексте] общественного бытия”, и ее не хочет видеть наш критик» (с. 73). Напомню читателю, что книга Лукача «К онтологии общественного бытия» была опубликована в 70-х гг, а полный текст был издан на венгерском в 1976 г. Это далеко не единственный пример. Поппер виноват в том, что не разграничивает творческий марксизм и сталинизм (заметим, что Поппер нигде не ставит сталинизм в вину Марксу, а говорит лишь об ошибочности его научных пророчеств), тогда как «анализ того, как именно соотносятся марксизм и сталинизм как теоретические доктрины, - тема крайне важная и нужная; она в значительной мере развита в работах марксистов-антисталинистов, причем как «умеренного» (выражаясь языком Поппера) направления (я имею в виду таких авторов, как Шафф или Лукач, наших советских марксистов-шестидесятников), так и марксистов «радикального» направления (прежде всего Льва Троцкого и его последователей [...])²» (с. 77). Поппер игнорирует процессы «взаимодействия различных случайных исторических явлений (как неотъемлемой черты марксистской диалектики) и активной роли социального субъекта (как творца истории даже в рамках мира отчуждения) [Еще раз мимоходом: неясно, как «различные случайные исторические явления» могут быть «неотъемлемой чертой марксистской диалектики»? - А.Ю.] [...] На эту тему есть немало замечаний в “Анти-Дюринге” Энгельса и интереснейших положений у Ленина; даже если не обращать внимание на последующие работы таких ученых как Д.Лукач, М.Лифшиц, Э. Ильенков и др.» (с. 73-74). См. также цитату по поводу «незнакомства со всем богатством работ самого Маркса и последующих марксистов по теории общественно-экономической формации» через абзац выше.

2) Второй методологически существенный способ критики Поппера состоит в систематически повторяющихся укорах в непонимании сути марксистской диалектики и в плоском формализме: «Для Поппера понимание мира как диалектической системы остается недостижимой теоретической тонкостью. Он мыслит лишь в логике формально-логических связей и доказательств» (с. 15); «[...] в целом работа Поппера отличается тем, что написана в расчете на челвека с плохим, недиалектическим, формальным мышлением [...]» (с. 115). Этот упрек имеет давнюю традицию. Приверженностью формальной логике в противовес диалектике Поппера попрекали еще советские философы (см. например: **Богомолов А.С.** *Английская буржуазная философия XX века.* - М., 1973, с. 244-249). Едва ли не в каждом отдельном случае Бугзалин начинает возражать Попперу с того, что тот не понимает глубины и гибкости мар-

ксовых диалектических положений и пытается поверить их формальной логикой.

Должен заметить, что противопоставление диалектики формальной логике представляется мне также в принципе порочным аргументом. Коротко говоря, у них разные функции. Диалектика в моем понимании есть логика открытия, а формальная логика - как раз логика доказательства или, иначе, логика изложения. «Мир как диалектическую систему» мы найдем также у Платона, Плотина, Гегеля. Однако все их тонкое понимание диалектики ничуть не прибавляет доказательности их системам. Чтобы не показаться слишком самоуверенным, открою наугад кого-нибудь из общепринятых марксистских авторитетов по вопросам диалектики, например, Э.Ильенкова, которого часто поминает Бузгалин. В первых строках Введения в книгу «Диалектическая логика» (М., 1984) Ильенков пишет, что понимает диалектику как «логику и теорию познания современного материализма» (с. 7; курсив мой. - А.Ю.). Если этого недостаточно, перевернем страницу и прочитаем: «Превращенная в орудие доказательства заранее принятого (или заданного) тезиса, она становится софистикой, лишь внешне похожей на диалектику, но пустой по существу» (с. 8). Иными словами, диалектику легко сфальсифицировать, и она не может быть способом доказательства истинности того или иного суждения или умозаключения, тогда как несоответствие вывода требованиям формальной логики безусловно означает его некорректность.

Рассмотрим пример. Обсуждая тезис Поппера о том, что «никто никогда еще не показал, что существуют только две возможности - “капитализм” и “социализм”», Бузгалин возражает: «Что же до вывода Карла Поппера о возможности иных оппозиций, нежели “капитализм - социализм”, то он основывается исключительно на том, что с формально-логической точки зрения существует возможность и других альтернатив. Но в том-то и дело [...], что марксизм использует диалектический, а не формально-логический метод» (с. 76-77). Противопоставление здесь диалектики и формальной логики совершенно лишено смысла, ибо это вопрос не столько логический, сколько эмпирический. Поппер переводит вопрос из плоскости научных предсказаний в плоскость практическую (т.е. возражает не против перехода к социализму, а ставит вопрос: Как? Через какие промежуточные стадии и шаги?). Речь идет о понятиях разной степени обобщенности, или, выражаясь языком логики, о родовом и видовом понятии капитализма. Поппер рассматривает вопрос перехода от капитализма к социализму не вообще, а конкретно-исторически. Он утверждает, что нельзя доказать необходимость перехода к социализму от капитализма, описанного Марксом, т.е. капитализма первой половины XIX в. или нерегулируемого законодательно капита-

лизма, так как невозможно учесть всей суммы эмпирических факторов. В этом нет ничего недиалектического, или, выражаясь языком марксистской диалектики, это ничуть не противоречит принципу единства логического и исторического: просто мы (Маркс или кто бы то ни было в его точке времени) не располагаем *полным* понятием действительности, объединяющим в себе эпоху капитализма и эпоху социализма, - т.е. понятием, которое бы учитывало всю сумму фактов эпохи капиталистической, уж не говоря об эпохе социалистической ввиду отсутствия таковой. Итак, это вопрос не диалектики, а критики разума в кантовском смысле, или самоограничения амбиций познания рамками опыта. В этом-то и состоит суть попперовой критики историцистских пророчеств с позиции сознающего ограниченность своих возможностей рационализма: «Действительно, Маркс пытался показать, что существует лишь две возможности развития общества: первое - сохранение этого ужасного мира навсегда, вторая - возникновение нового, лучшего мира. Вряд ли стоит в наше время серьезно предполагать первое. Следовательно пророчество Маркса полностью подтверждается. Чем яснее люди понимают, что вторая возможность может быть достигнута, тем вероятнее, что они сделают решающий скачок от капитализма к социализму. Более определенного пророчества, однако, сделать нельзя»³. Наконец, можно сформулировать это в терминах, которые использует Бузгалин, утверждающий, что необходимо учитывать «взаимодействие различных случайных исторических явлений и активной роли социального субъекта» (см. выше цитату). Так вот человеческий разум не способен учесть все «случайные исторические явления», а следовательно, невозможны *точные научные предсказания*. Ничего другого Поппер и не утверждает.

Что же до стиля попперовского изложения, его постоянных попыток логически проанализировать рассматриваемые им тезисы, представить их в виде отчетливых умозаключений, то, по моему мнению, в этом одно из замечательных достоинств этого философа и этой его книги, в частности, а именно, стремление сделать свою мысль максимально прозрачной, убедительной, в чем я как раз вижу проявление замечательной интеллектуальной честности, свойственной Попперу и высоко им ценимой.

3) Должен, наконец, указать, что критические замечания Бузгалина зачастую отмечены, мягко говоря, невнимательностью к тексту Поппера. К примеру, рассматривая главу «О социальной революции», он утверждает, что для Поппера «социальная революция есть невозможное, или уж, по меньшей мере [...] крайне нежелательное и негативное явление. Однако при этом сказать, что буржуазные революции являются негативным явлением [...] я думаю, Поппер бы не решился» (с. 83-84). Для того, чтобы вскрыть ложность этого обвинения, не нужно углуб-

ляться в тонкости интерпретации. Достаточно просто открыть указанную главу книги Поппера и прочитать: «Отнюдь не во всех случаях и не при всех обстоятельствах я противник насильственной революции. Я согласен [...], что при тирании насильственную революцию можно оправдать, поскольку в такой ситуации может просто не быть никакого иного выхода, кроме восстания. Однако при этом я считаю, что любая такая революция должна иметь единственную цель - установление демократии» (Поппер, т. 2, с. 176-177). Разоблачая «действительную классовую позицию» (с. 91) Поппера, Бугалин цитирует его соображение о том, что недемократическое давление со стороны рабочих приведет к антидемократическим действиям со стороны противника, из чего якобы следует, что Поппер «расписался в том, что не пролетариат, а капитал является социальной силой, готовой использовать насилие и антидемократические методы; и единственное на что он способен, - призывать не совершать никаких действий против капитала, дабы не будить эту “спящую собаку”» (с. 92-93). Все ясно: Поппер - пособник капитала, он оправдывает антидемократические действия. Однако, во-первых, Бугалин не хочет замечать, что речь в цитируемом им же отрывке идет о «недемократическом давлении со стороны рабочих» (с. 91) как первом шаге, ведущем к разрушению демократии. Что же до отношения Поппера к антидемократическим действиям капитала, послушаем его самого, а не интерпретацию его недостаточно внимательного оппонента: «Я считаю оправданным применение насилия в политических спорах еще только в одном случае. Я имею в виду применение насилия для защиты демократии, насильственное сопротивление против покушений (предпринятых внутри государства или направляемых извне) на демократическую конституцию и демократические методы управления. Любому такому покушению, особенно если оно предпринимается или допускается *находящимся у власти правительством*, все лояльные граждане должны оказывать сопротивление всеми средствами вплоть до применения насилия» (Поппер, т. 2, с. 177; курсив мой. - А.Ю.).

Критик Поппера настолько невнимателен, что порой не замечает смысла приводимых им цитат оппонента и распекает последнего, высказывая по существу то же самое. Прошу читателя набраться терпения и вникнуть в две цитаты. Рассматривая главу о моральной стороне марксовского историзма, Бугалин приводит рассуждение Поппера о том, что ввиду невозможности точных прогнозов на будущее это будущее не может быть надежным фундаментом для морали. Для краткости даю конец этой цитаты: «Поскольку не существует никакой пророческой социологии, которая помогла бы нам в выборе моральной системы, мы не можем переложить ни на кого, даже на “будущее”, ответственность за сделанный нами выбор». Бугалин возражает следующим образом:

«Если вы достигли истинного и высшего знания и знаете, от чего надо отказываться, от чего нет и что правдоподобно и что нет, то это позиция не ученого, а позиция догматика-пропагандиста, напоминающая нечто среднее между сталинизмом и христианским догматизмом» (с. 107), - т.е. прибегает к способу критики, о котором я скажу ниже, - обвинению в том, что Поппер «считает собственные утверждения истиной в последней инстанции», причём совершенно неупомянув. Если я правильно понимаю суть слов Поппера, то он призывает отказаться в поисках нравственных ориентиров от опоры на пророчества, т.е. как раз откровения высшего знания, в пользу личной ответственности, каковая несовместима с любым догматизмом, будь то сталинистским или христианским. Единственное в чем, Бузгалин прав, так это в том, что это действительно «не позиция ученого». Это позиция человека - человека, сознающего ограниченность своих сил и знаний - ибо и наука не является высшим знанием, а всего лишь совокупностью гипотез в большей или меньшей степени проверенных опытом (к чему в нескольких словах сводится концепция фальсификационизма, разработанная Поппером как философией науки), - а, следовательно, вынужденного искать опору для своих действий исключительно в собственной ответственности.

(Именно с этой позиции Поппер и критикует историцистскую мораль, которую вовсе не приписывает Марксу однозначно, а реконструирует, утверждая, что в сочинениях Маркса и Энгельса можно найти лишь ее черновые наброски (Поппер, т. 2, с. 232) и что она вытекает из Марксова социологического детерминизма (с. 239). Предоставляю судить читателю, насколько позиция личной ответственности как фундамента морали конкретнее, чем позиция Маркса в изложении Бузгалина, которую якобы не понял Поппер: «Если говорить проще, то человеческая история в ее социально-этическом измерении, по Марксу, есть нелинейный, зигзагообразный процесс возрастания роли общечеловеческих ценностей и относительного снижения роли антигуманных социально-нравственных императивов» (с. 104-105; в этой цитате я убрал курсив автора и добавил свой. - А.Ю.).)

4) Последний метод критики Бузгалина, вызывающий наибольшее сожаление, - систематическая личная дискредитация и просто презрительное третирувание оппонента.

Перейдем к примерам. Автор «Анти-Поппера», обидевшись на мысль Поппера о том, что «научные пророчества являются для большого числа людей удобной формой бегства от реальной действительности - бегства от нынешней ответственности в некий будущий рай», сразу начинает с обвинения в бессовестной клевете на Маркса и марксистов и даже не замечает, что ни о первом, ни о вторых у Поппера ни слова. «Большое число

людей», конечно, не слишком четкий адресат, но, видимо, каждому решать самостоятельно, включать себя в это множество или нет. Критик здесь явно поспешил. Далее, Бузгалин переходит к знакомой риторике о том, что марксисты всегда боролись за социальные реформы, а «в решающие моменты истории, такие, как Вторая мировая война [...] оказались наиболее сильными борцами за победу демократии против фашизма» и наконец с позиции единственного законного наследника всех этих борцов наносит убийственный (но, по-моему, совершенно голословный) удар Попперу: «Именно они были главными, кто шел на смерть в рядах Сопротивления, а не люди типа Поппера. Кстати, я не знаю, чем занимался Поппер во время Второй мировой войны, и, может быть, именно он убежал в свои иллюзии “открытого общества” от реальной борьбы против фашизма. Если он участвовал, то это делает ему честь, и я с радостью приношу ему свои извинения, но если да, то это доказывает правомерность моего предположения» (с. 68). Не читал, но. Не знаю, чем занимался, но на всякий случай обвиняю. Поппер уничтожен. Отечественный читатель вряд ли когда-либо дознается, чем же все-таки занимался Поппер в указаный период, да и интересоваться не будет, так что в его глазах от этого обвинения Попперу уже не отмыться. Блестящий образец полемики «по-марксистски». Чем меньше информации, тем больше простор для бичующей фантазии. Так и надо поступать с оппонентами марксизма!

Нередко Поппер обвиняется в некритичности и претензиях на абсолютное знание: «Для него [Поппера] характерно использование менторского, поучающего тона, выражающего абсолютную самоуверенность и абсолютную некритичность, в том числе по отношению к своим положениям. Я не разу [так в тексте. - А.Ю.] не встретил у Поппера сколько-нибудь серьезного самокритичного взгляда или признания собственной ограниченности. Этот автор пишет примерно так, как писал неизвестный и, наверно, ненавистный и ему (не только нам) автор - Иосиф Сталин» (с. 84). (Почему не Мао или, скажем, Гитлер?) Чем безосновательнее обвинение, тем его легче опровергнуть. Раз Бузгалин утверждает, что «ни разу не встретил» и т.д., достаточно одной цитаты из Поппера, но я приведу три: 1) насчет признания собственной ограниченности: «Возвращение к домарксистской общественной науке уже немислимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают. Это особенно верно для тех, кто не согласен с его теориями, как, например, я. И я с готовностью признаю, что моя трактовка, скажем, Платона или Гегеля носит на себе печать Марксова влияния» (Поппер, т. 2, с. 98); 2) насчет самокритичности: называя свою позицию «рационализмом» (и, кстати, причисляя Маркса к рационалистам [Поппер, т. 2, с. 259]), Поппер так объясняет его суть: «рационализм - это расположенность выслушивать критиче-

ские замечания и учиться на опыте. Это по сути дела, позиция, которая предполагает, что *“я могу ошибаться, и ты можешь ошибаться, но совместными усилиями мы можем постепенно приближаться к истине”*» (Поппер, т. 2, с. 260); 3) насчет абсолютной самоуверенности и не критичности: «[...] я должен сказать, что не собираюсь предлагать вместо пророчества Маркса другое пророчество [...] Я не утверждаю, что его пророчество может не сбыться или что все произойдет так, как я описал. Я только говорю, что так может случиться» (Поппер, т. 2, с. 174).

Еще один способ критики дискредитацией заключается в том, чтобы довести ее до степени высочайшей абстракции, т.е. вообще не отвечать по существу, а просто объявить оппоненту, что он - кромешный невежа. «Анализируя» главу «Капитализм и его судьба», Бузгалин укоряет Поппера в «примитивности» трактовки проблем, в теоретических «ляпах» и в непонимании теории трудовой стоимости (и ее связи с теорией эксплуатации Маркса; с. 93). По этому поводу приводится обширная цитата, после которой Бузгалин замечает: «Определение трудовой теории стоимости вообще заслуживает “неудовлетворительно” на экзамене не только у профессионалов-экономистов, но даже в техническом вузе» (с. 93-94). Возможно, Поппер и заслуживает «неудовлетворительно», но даже студент-двоечник имеет право на то, чтобы ему объяснили, в чем его ошибка. Увы! Напрасно читатель (не профессионал-экономист и не студент технического вуза) будет надеяться обрести правильное понимание теории трудовой стоимости. Зачем спорить с кромешным невежей: «Глава 21 [т.е. глава книги Поппера. - *А.Ю.*] посвящена, главным образом, проблемам накопления и цикла, и анализировать ее просто неинтересно [...]» (с. 97). Вот такая дискуссия.

Примеров неуважительности по отношению к оппоненту рассыпаны в изобилии по всему тексту: «Поппер поднимается до уровня студента-“хорошиста” экономического или философского факультета крупного университета советского периода, хотя и не “дотягивает” до профессионалов-марксистов [...]» (с. 5). «Слава богу, в дальнейшем Попперу хватает ума добавить к этой цитате еще ряд положений [...]» (с. 85); Поппер «многократно расшаркивается перед Марксом» (с. 98); «[...] если автор считает, что его трактат достаточен для того, чтобы убить марксизм, то он не только наивен, но еще и попросту глуп» (с. 112). Я не старался выбирать наиболее обидные.

В заключение хочу сказать, что моей целью вовсе не является превознесение Поппера. Я отнюдь не утверждаю, что Поппер безгрешен и в книге Бузгалина напрочь отсутствуют справедливые критические замечания. Но сам характер критики ставит под сомнение их ценность.

Наконец, Бузгалин в принципе оставляет без внимания суть концепции историцизма, предложенной Поппером. Он не замечает того, с ка-

кой симпатией и уважением Поппер относится к Марксу-философу и Марксу-человеку. Его критика направлена против Маркса-пророка. Более того, хотя этот момент недостаточно четко прописан в книге, Поппер нигде не утверждает, что Маркс претендовал на роль пророка. Превращение его научных прогнозов, если угодно, в пророчества - исторический факт. Поппер же рассматривает идеи Маркса с точки зрения содержащихся в них философских предпосылок этого факта. И его историко-философский экскурс через Гегеля и Аристотеля к Платону и Гераклиту как историцистским философам (хотя, заметим, ни одного из них вполне историцистом согласно определению самого Поппера назвать нельзя) и есть своего рода реабилитация Маркса. Я бы сказал, что Поппер перекладывает ответственность за Марксовы пророчества с Маркса на историцистскую традицию в философии. Маркс не единственный персонаж книги «Открытое общество и его враги». Легко убедиться в резкости отношения Поппера к Платону, а его характеристики Аристотеля и Гегеля просто уничтожающие (но не обязательно справедливые, и с ними стоило бы поспорить). Достаточно непредубежденно прочесть предшествующие разделы. Бузгалин этого не делает. Почему?

Дело в том, что, как мне кажется, «Анти-Роррег» продиктован сугубо партийными («мы, марксисты», часто повторяет Бузгалин), а не научными интенциями. Книга столь изобилует пренебрежительными обвинениями в «непонимании», «искажении», «клевете», «лукавстве», «примитивности», «глупости», «благоглупости» (это не мои слова, их и другие нетрудно найти в тексте), что становится очевидной целью автора. Она в том, чтобы дискредитировать оппонента, а не установить научную истину. Неловко говорить банальности, но стоит ли превращать научную дискуссию в идеологическую борьбу без правил с мертвым львом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юдин А. Карл Поппер и его книга «Открытое общество и его враги»: от Сократа к Марксу - философская традиция открытого общества // Поппер К. Открытое общество и его враги. - К.: 2005.

² Вдобавок к несообразности деталей это обвинение ложно по существу в целом. Вот цитата из Поппера: «Как таковой, марксизм определенно не являлся основой политики российской коммунистической партии после прихода ее к политической власти» (Поппер, т. 2, с. 99).

³ Поппер К. Открытое общество и его враги. - М., 1992. - Т. 2, С. 167. Далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы.